

Глава 28. Как Чун Дай явил свою доблесть при перекличке воинов, а государев указ встревожил отца и сына

— У такого ничтожного слуги, как я, только и умения, что угождать господам, — вкрадчиво отозвался Ван Юаньчэнь. — Куда мне до вас, Ваше Высочество! Вы — драгоценная кровь династии, а познали и грохот сражений, и пыль военных походов.

— Полно вам, евнух, — Чун Ю мягким жестом пригубил горячий чай. — Суметь угодить государю — вот истинное, величайшее мастерство. Наш венценосный брат... я ведь знаю его нрав. Ублажить его — задача не из легких. Да и к чему эти сравнения? Поглядите на Заставу Медной Горы: разве здесь мало тех, в чьих жилах течет императорская кровь?

Ван Юаньчэнь поспешно закивал:

— Ваша правда, принц. Но знайте: государь и дня не проводит без дум о Заставе Медной Горы.

— Это мне ведомо, — вздохнул Чун Ю. — Да только великого генерала терзает жестокий недуг, а всё наше жалованье и провиант застряли на Заставе Небесного Замка. Если мы хотим вывести войско за пределы заставы, без обозов нам не обойтись. Без хлеба солдат не воюет.

— Доходили до меня слухи, — понизив голос, заметил Ван Юаньчэнь, — будто Генерал, Охраняющий Восток, еще весной совершил дерзкую ночную вылазку против Бэйди и предал огню ставку самого Цзинь Фэйбу.

Чун Ю небрежным движением смахнул невидимую пылинку с широкого шелкового рукава и пригубил чашу с горячим женьшеневым отваром.

— Верно. Он тогда отмахал почти сотню ли по ночной степи и ворвался в лагерь врага до рассвета. Жаль только, кони умаялись, да и люди выбились из сил — не хватило натиска, чтобы завершить начатое. Иначе Цзинь Фэйбу давно бы гнил в сырой земле.

— Кто бы мог подумать, — покачал головой евнух. — Генерал, Охраняющий Восток, с виду сущий книжник, утонченный баловень судьбы, а в бою являет такую удадь.

Чун Ю разочарованно вздохнул:

— Да что толку... Он воюет в одиночку. Ни подкреплений, ни подвоза припасов. Будь у него поддержка, ход войны давно бы переменился. А теперь на носу зима. Боюсь, и в этом году мы упустим драгоценное время.

Договорив, принц бросил на Ван Юаньчэня короткий, испытующий взгляд из-под полуприкрытых век.

Разумеется, Ван Юаньчэнь прекрасно понял, к чему клонит принц Чэн. Этот шестой брат императора славился мягкостью манер, но под этой уступчивостью скрывался стальной, упрямый стержень. В свое время он бок о бок с покойным государем проливал кровь в походах, и даже нынешний император Юйчэн относился к нему с неизменным почтением.

Ван Юаньчэнь колебался: стоило ли открывать истинные намерения императора? Опасаясь сболтнуть лишнее, он лишь неловко поднес чашу к губам.

Заметив его замешательство, Чун Ю мягко, но настойчиво спросил:

— Скажите, евнух, дошел ли мой доклад до государя?

— Дошел, Ваше Высочество. Император соизволил ознакомиться с ним.

— Вот как? И... прогневался ли наш повелитель?

— Ну... — Ван Юаньчэнь замялся. Впрочем, завтра на плацу бакалавр Фу всё равно зачитает высочайшую волю. Зачем же упускать случай снискать расположение влиятельного принца?

Приняв решение, евнух заговорил мягче:

— Его Величество прекрасно понимает ваши радения, принц. Вы печетесь о благе государства, ратуете за достойных людей — государь может лишь радоваться такому усердию.

— Вот как? — Чун Ю вскинул брови, пристально глядя на собеседника. — Из ваших слов, евнух, выходит, что государь благословил моё прошение?

Ван Юаньчэнь заулыбался и согласно кивнул.

В душе Чун Ю вспыхнула ликующая радость. Тотчас подозвав слугу, он велел выдать гостю из казны сто лянов серебра. Евнух поспешно вскочил со стула, изображая крайнее смущение и отказываясь от дара:

— Полноте, Ваше Высочество! Для меня уже великое счастье — принести вам добрую весть. О каких деньгах может идти речь!

— Не отказывайтесь, почтенный, — благодушно пресек его возражения Чун Ю. — Это лишь скромный знак признательности. Вот вернемся в столицу, тогда я приглашу вас в свое поместье и отблагодарю по-настоящему.

В столице принц Чэн вел затворническую жизнь в своей усадьбе, и Ван Юаньчэню редко

доводилось прислуживать ему. Не зная до конца крутого нрава Чун Ю, евнух побоялся, что излишнее упрямство разгневет хозяина, а потому с вежливым поклоном принял кошель.

Шестнадцатый день девятого месяца. Военный плац у Заставы Медной Горы

Едва занялась пятая стража, как на плацу у Заставы Медной Горы собрался весь цвет военного командования. Здесь были великий генерал Фу Юаньтай, принц Чэн — Чун Ю, генерал Чун Дай, а также военачальники со всех постов вплоть до Заставы Небесного Замка: Чэнь Пин, Цзян Жупэй, Линь Юйцзинь. У подножия высокого помоста для смотра войск стояли и столичные гости — новоиспеченный младший стольник Верховного суда Фу Исянь, исполняющий обязанности императорского посланника, и главный распорядитель Департамента императорского двора Ван Юаньчэнь.

По поручению сына Неба великий генерал Фу Юаньтай совершил торжественное жертвоприношение предкам. Окропив землю священным вином, он зычным голосом зачитал поминальную молитву. Под помостом мертвой стеной застыло многотысячное войско. Ни звука, ни вздоха — лишь тяжелые боевые стяги с глухим шелестом бились на пронизывающем ветру.

В эти предрассветные часы над Медной Горой стлался сырой, непроглядный туман. По краям огромного плаца заблаговременно разожгли исполинские костры. Жаркое багровое пламя выхватывало из темноты бесконечные ряды копий, начищенных до блеска клинков и панцирей, рождая ощущение грозной военной мощи.

Когда обряд завершился, великий генерал Фу Юаньтай медленно развернулся лицом к армии. На нем был старый доспех из закаленного железа с золотой чеканкой. Потертая от времени, но вычищенная до зеркального блеска броня ловила отсветы пламени, придавая фигуре старого воина монументальное, почти божественное величие.

Давно не показывавшийся на людях старый полководец сегодня выглядел бодрее обычного. Хотя лицо его по-прежнему отливало землистой бледностью, в глазах теплилась прежняя искра. Окинув молчаливым взором бесконечные шеренги, Фу Юаньтай набрал в грудь воздуха, собираясь выкрикнуть команду, но ледяной порыв ветра перехватил дыхание. Зайдясь в сухом, мучительном кашле, он резко взмахнул рукой.

Глашатаи у помоста тут же подхватили безмолвный приказ и разнесли его над полем:

— Зажечь сигнальные огни!

Клич эхом покатился вдаль. На сигнальной башне у крепостной стены с глухим гулом вспыхнуло пламя. Черный жирный дым устремился к небесам. Мгновение — и на соседней вершине ответил второй факел, за ним сквозь пелену тумана пробился третий, четвертый...

Один за другим огни пробуждались к жизни, выстраиваясь в темноте извивающейся огненной цепью, подобно золотому дракону, летящему от Медной Горы на запад, к самым рубежам Заставы Небесного Замка. Клубы гари заволокли звездный купол, надолго погрузив долину в полумрак.

За разжиганием костров последовала переключка военачальников.

Под началом Фу Юаньта на этой оборонительной линии стояло около трех десятков командиров разного ранга. Сегодня все они, облаченные в парадные одежды и доспехи, сияли безупречной выправкой.

Когда переключка окончилась, начался смотр войск.

Перед помостом одна за другой проходили когорты — от личной гвардии великого генерала до отрядов, набранных местными военачальниками. Пехота и конница демонстрировали сложные, отточенные до автоматизма маневры. Но по-настоящему всеобщее внимание приковало к себе личное войско Чун Дая — Армия Дай.

Воины этой армии щеголяли в вороненых шлемах и панцирях густо-черного цвета. Сочленения доспехов на локтях и коленях были стянуты прочной пеньковой бечевой. Их скакуны, все как один угольно-черной масти, превосходили обычных лошадей на целую голову. За спинами кавалеристов виднелись тяжелые луки, а предплечья защищали спаренные железные пластины. Этот конный отряд насчитывал едва ли три тысячи сабель, однако их маневренность, стремительность и причудливая вязь боевых построений заставляли затаить дыхание.

Фу Исянь наблюдал за ходом учений с неослабевающим интересом: то хмурился, то понимающе кивал, то погружался в раздумья, а порой он едва заметно улыбался.

Стоявший неподалеку принц Чэн подмечал малейшую перемену в лице юноши.

«Неудивительно, что Цзыхоу никак не может выбросить этого парня из головы, — размышлял принц. — Мальчишка чертовски умен. Ни разу не бывал на поле боя, но, судя по его взгляду, уже разгадал всю суть тактических хитростей Цзыхоу»

Тут же его посетила иная, более тревожная мысль.

«Об их связи государю наверняка известно. С чего вдруг он отпустил его на Заставу Медной Горы? Должно быть, Юйчэн всё еще не доверяет Цзыхоу и послал Юаньшаня выведать его истинные помыслы»

Принц пригляделся к императорскому посланнику пристальнее. В неверном пламени костров Фу Исянь казался еще более хрупким, но держался с безупречной осанкой, а его глаза

светились умом.

«Каков юноша! — невольно залюбовался принц. — Столь утончен и красив, что понятно, почему и император, и Цзыхоу потеряли от него голову. Глядя на его благородный облик, трудно поверить, будто он ищет лишь чинов и власти. Неужто его чувства к государю искренни?»

Размышления о чужой любви отозвались в груди принца Чэна внезапной тоской. Он поспешно отвел глаза от Фу Исяня и уставился на плац. Там, во главе войска, восседая на великолепном жеребце по кличке Несущийся сквозь Ночь, застыл Чун Дай — величественный, грозный и излучающий первобытную ярость.

Когда смотр завершился, военачальники склонились перед императорским посланником. Один из юных евнухов бережно поднес к помосту лакированный деревянный ларец и опустил на колени перед Ван Юаньчэнем. Тот аккуратно приподнял крышку, извлек свиток из расшитого шелка и с глубоким почтением передал его в руки Фу Исяню.

Государев указ был краток и состоял из трех пунктов. Во-первых, за весенний подвиг и разгром лагеря Бэйди генерал Чун Дай был жалован титулом «Генерала, Громящего Пленников», с передачей под его начало всех сил Заставы Небесного Замка. Во-вторых, прежний гарнизонный офицер Линь Юйцзинь за верную и беспорочную службу назначался старшим воеводой над Восемнадцатью внешними заставами Дунчуаня с приказом незамедлительно отбыть к новому месту службы. В-третьих, великий генерал Фу Юаньтай сохранял за собой верховное командование над всеми войсками на оборонительной линии Медной Горы.

Слова указа затихли над плацем. Командиры пали ниц, вознося благодарность государю. Лишь Линь Юйцзинь стоял с помертвевшим лицом, яростно скрежеща зубами. Восемнадцать внешних застав Дунчуаня находились на самом юго-восточном краю империи. За ними лежали земли вассального царства Ицзяо. Там спокон веков царил мир, и никакой славы или наживы военный человек снискать там не мог. Должность старшего воеводы звучала красиво, но не давала ни генеральского ранга, ни права распоряжаться припасами и казной. Вся его власть сводилась к бумажной волоките да надзору за караулами — жалкая тень того могущества, которым он обладал у Медной Горы. Император Юйчэн прибег к уловке: возвысил в чине, но лишил реальной власти, заставив безропотно проглотить этот горький щелчок по носу.

Фу Исянь медленно свернул шелковый свиток. Согласно ритуалу, великий генерал Фу Юаньтай должен был сделать шаг вперед и принять волю императора. Однако стоило старому воину податься вперед, как земля ушла у него из-под ног. Разум заволокла мгла, он потерял равновесие и рухнул навзничь прямо на глазах у своего войска.

Когда Фу Юаньтай пришел в себя, он уже лежал в собственной постели в усадьбе командующего. В окно лился теплый солнечный свет. С трудом восстановив в памяти утренние события, старик вспомнил свое позорное падение на плацу. Он прижал пальцы к запястью, проверяя биение пульса, но тот оставался прежним — вялым и неровным. Из-за ширмы доносились приглушенные голоса. Прислушавшись, генерал без труда узнал речь своего младшего сына и наследника принца Чжуана.

— Мне было известно лишь то, что после возвращения на Медную Гору здоровье великого генерала сильно пошатнулось, — негромко говорил Чун Дай. — Лекари уверяли, будто всё дело в застое крови и жизненных сил, и советовали ему покой. Хотя я немного смыслю в медицине, лезть со своими советами и щупать пульс командующего посчитал излишне дерзким. Потому лишь справлялся о здоровье утром и вечером, а сам его не осматривал.

— Да, я только что осмотрел его сам, — отозвался Фу Исянь. — Пульс в точке Цунь натянут и бьется лихорадочно, а в точке Чи — совсем слаб, едва теплится.

— Похоже, это и впрямь указывает на застой крови.

— Но посуди сам, Цзыхоу: мой отец всю жизнь провел в седле и походах, его закалке позавидует любой юнец. С чего бы его телу столь внезапно одряхлеть, а крови — замереть в жилах?

Чун Дай на мгновение задумался. Приняв из рук Фу Исяня чашу с чаем, он, словно вспомнив нечто важное, нерешительно произнес:

— Твоя правда. Однако годы берут свое, великий генерал уже далеко не молод. К тому же вспомни его поспешное возвращение в столицу из далекого похода. Известие о кончине покойного императора подкосило его, он пережил страшное потрясение и слег еще в Тяньцзине. Не успев оправиться от удара, он вновь поспешил на заставу.

К этому времени Фу Исянь уже сбросил тяжелое чиновничье одеяние. На нем была лишь легкая домашняя рубаша нежно-голубого шелка, расшитая узорами облаков. После недавнего купания его длинные влажные волосы свободно рассыпались по плечам. Юноша сидел у окна на невысоком ложе. Суматоха долгого дня давала о себе знать: на его лице читалась сильная усталость. Не переставая говорить с Чун Даем, он подложил под спину мягкое стеганое одеяло и бессильно откинулся назад.

О недуге отца Исянь знал и прежде, но полагал, будто старика мучает обычная простуда, а потому не придавал этому большого значения. Но стоило ему прибыть на заставу и воочию увидеть угасший взор великого генерала, как его охватила тревога. Записи полковых лекарей казались безупречными, строчка за строчкой описывая течение болезни, но профессиональный взгляд Исяня упрямо цеплялся за едва заметные нестыковки. Еще в столице император Юйчэн то и дело расспрашивал о здоровье Фу Юаньтая. Исянь прекрасно понимал: государю до смерти нужна эта военная кампания. Ему необходима быстрая и безоговорочная победа, чтобы заставить замолчать недовольных вельмож при дворе. Если же из-за дряхлости старого генерала кампания сорвется, милость монарха мгновенно сменится яростным гневом.

От этих мыслей на душе становилось совсем паршиво, особенно после сегодняшнего обморока отца. Исянь сделал глубокий вдох, уговаривая себя успокоиться. Паника не поможет — сейчас важнее всего шаг за шагом разобраться в причинах этой странной болезни.

Слегка повернув голову к Чун Даю, он спросил:

— И что же ты думаешь?..

Чун Дай поставил чашу на столик и после долгого затишья ответил:

— Судя по пульсу и по тому, как великий генерал потерял сознание, причина кроется в застарелом холоде в нижней части тела. Именно он сковал ток жизненной энергии.

— Застарелый холод в нижней части тела?

— Да, Сяошань. Подумай хорошенько, не получал ли твой отец когда-то тяжелого ранения в спину или поясницу?

Фу Исянь широко распахнул глаза от внезапной догадки.

— Неужели... то самое ранение?

<http://bllate.org/book/19874/2041461>